

М. Д. Степанова. Словообразование современного немецкого языка. М., Изд-во лит-ры на иностр. языках, 1953. 376 стр.

Работа М. Д. Степановой — первая изданная в СССР книга, специально посвященная словообразованию современного немецкого языка. Автор стремится не только возможно более полно охватить все входящие в данную тему вопросы, но и осветить смежные проблемы, иногда даже относящиеся к другим областям языкознания. Так, во введении рассматривается, например, проблема словарного состава и основного словарного фонда в общелексикологическом плане, а рассмотрению словообразования каждой части речи немецкого языка предшествует грамматическая характеристика данной части речи, как это обычно делается в работах по грамматике. В книге описываются все основные (продуктивные и непродуктивные) способы словообразования и словообразовательные типы современного немецкого языка; в ряде случаев описание современного состояния сопровождается историческими экскурсами. Языковой материал берется автором не только из работ по немецкому словообразованию и из словарей, но и извлекается непосредственно из классической и современной немецкой литературы. В качестве примеров словообразовательных типов приводятся не только слова, утвердившиеся в словарном составе немецкого языка, но также и слова, создаваемые различными писателями по имеющимся в языке словообразовательным моделям, что дает возможность судить о продуктивности того или иного словообразовательного типа.

В вводной части книги освещаются преимущественно общелексикологические вопросы. В первой (основной) части дается общая характеристика словообразования современного немецкого языка, а часть вторая посвящена описанию словообразования частей речи в этом языке. В конце работы приводится краткое заключение, содержащее «общий обзор словообразовательных тенденций в системе частей речи современного немецкого языка».

Вполне понятно, что в связи с многообразием разбираемых в книге проблем автору приходилось преодолевать значительные трудности. Это, естественно, и нашло свое отражение не только в некоторой неравномерности изложения разных вопросов и в дискуссионности отдельных выдвигаемых автором положений, но и в ряде других недостатков, никак не связанных с дискуссионностью каких-либо вопросов или с неразработанностью тех или иных проблем. Эти недостатки следует указать как автору, так и читателям, которые будут пользоваться данной книгой.

Слово определяется М. Д. Степановой как «единство значения, звучания и морфологической структуры» (стр. 9), и согласно данному определению в первую очередь рассматривается вопрос о значении слова. При этом совершенно правильно отмечается, что нельзя отождествлять значение слова и заключенное в слове понятие (по выражению автора, «понятие и значение слова не покрывают друг друга», стр. 10); однако, в каком взаимоотношении находятся значение слова и выражаемое им понятие, остается неясным, потому что значение слова и понятие никак не разграничиваются и сколько-нибудь ясно и точно не определяются. Так, на стр. 10 различные значения многозначного слова отождествляются с «различными оттенками понятия», а на стр. 12—13 дается следующее определение значения слова: «Под значением слова ... следует понимать выражение понятия, т. е. исторически закрепленное за данным звуковым комплексом обозначение предмета или явления действительности со всеми привносимыми в конкретном высказывании дополнительными оттенками» (разрядка моя — Р. М.).

Эти определения показывают, что автор — в противоречие своему положению о неотжественности понятия и значения слова — в действительности не разграничивает значение слова и выражаемое словом понятие, т. е. вещи, хотя и тесно связанные друг с другом, но все же различные.

Ясно также, что автор не разграничивает значение и употребление слова, значение и обозначение словом того или иного предмета или явления. Все это ведет к дальнейшим ошибкам, которые выявляются в подходе автора к значению разбираемых им слов. Так, например, на стр. 33 *Grünschnabel* рассматривается как «полустилистический, полудиографический синоним» к *Knabe* (см. также стр. 38), а на стр. 39 в том же плане трактуются *Feuerräder* и *glänzende Augen*, с чем никак нельзя согласиться. *Grünschnabel* «молокосос», «неопытный в жизненных делах человек» (буквально: «зеленоклюв», т. е. «желторотый, неоперившийся птенец») по своему значению никак не может быть ни идеографическим (или полудиографическим), ни стилистическим (или полустилистическим) синонимом к *Knabe* «мальчик», поскольку *Grünschnabel* не только имеет совсем другое значение, но и выражает иное понятие, чем *Knabe*. То же обстоятельство, что слово *Grünschnabel* чаще употребляется по отношению к мальчику, к юноше, чем к человеку взрослому (хотя и это может иметь место), совсем другое дело.

Аналогичная ошибка делается и относительно пары *Feuerräder* — *glänzende Augen* (стр. 39). Если писатель Зудерман блестящие, сверкающие глаза называет «огненными

колесами» (*Feuerräder*), то это еще не значит, что *Feuerräder* («огненные колеса») и *glänzende Augen* («блестящие глаза») синонимы, как полагает автор.

От вопроса о значении слова автор переходит к рассмотрению звуковой стороны слова. Положительным моментом здесь является то, что дается (хотя и очень краткая) характеристика основных фонетических особенностей слова в немецком языке. Но, к сожалению, не рассматривается вопрос о связи звучания со значением, а только лишь отмечается факт, что понятие отражает реальную действительность, а звучание ее не отражает. Делается это без какой бы то ни было детализации и без ссылок на соответствующие работы, хотя данная проблема в нашей литературе ставилась разными лингвистами, как рассматривалась и тесно соприкасающийся с этой проблемой вопрос о различной специфике производных и непроизводных основ¹ — вопрос, который автором вообще обходится.

Характеризуя слово с морфологической стороны (стр. 16—18), М. Д. Степанова рассматривает специфику словообразующих аффиксов по сравнению с корневыми морфемами, говорит также и о различиях между словообразующими аффиксами, с одной стороны, и формообразующими аффиксами и флексиями, с другой. Но при этом, к сожалению, упоминается лишь о различиях между корневой морфемой и словообразующими формантами, но ничего не говорится о разграничении основы слова и слова, как не рассматривается и проблема взаимоотношения слова и форм слова. Вопрос о взаимоотношении словообразования и формообразования как специальная проблема также не ставится.

Все это неблагоприятно отражается в различных разделах книги, где часто смешиваются слово и основа слова, слово и его формы. Так, на стр. 16 говорится, что «слово может состоять из одной корневой морфемы». На стр. 46 указывается на то, что «два слова или две основы соединились в одну новую основу», на стр. 51 указывается, что «с у ф ф и к с прилагательного -ig присоединяется к различным словам» (разрядка везде моя. — К. Л.).

На стр. 46 об инфинитиве говорится и как о глагольной форме, и как о слове, а именно: «Наконец, слово, не изменяя своей словообразовательной формы, может перейти в другой грамматический класс слов и получить новое грамматическое оформление, т. е., в конечном счете, другую морфологическую характеристику (ср.: *das Fliegen* — склоняемое существительное, образованное из инфинитива *fliegen*, т. е. неспрягаемой формы глагола)» (разрядка всюду моя. — К. Л.). Данная формулировка не является случайной, так как на стр. 58 инфинитив рассматривается как корневое слово, поскольку о субстантивированном инфинитиве (*das Leben*) говорится как о производном слове особого типа, образованном от корневого слова. Примеры можно было бы умножить.

В § 6 вводной части правильно указывается на односторонность определений слова у зарубежных и некоторых отечественных лингвистов. Но следовало бы также сказать, кем из наших ученых такой односторонний подход к слову отвергался. Крупным недостатком здесь (как и в ряде других разделов книги, о чем см. ниже) является отсутствие ссылок на соответствующие работы русских дореволюционных и современных советских ученых; в данном параграфе упоминается (да и то лишь в критическом плане) один Ф. Ф. Фортунатов (стр. 19). Между тем ссылки (особенно ссылки, показывающие принципиальные различия в подходе к тем или иным лингвистическим проблемам отечественных и зарубежных ученых) необходимы в любой книге, а тем более в «монографическом исследовании», как характеризует книгу М. Д. Степановой издательство (стр. 3).

В вводной части (как видно из вышесказанного) не разбирается ряд вопросов, имеющих непосредственное отношение к словообразованию, и вместе с тем эта часть книги содержит и много лишнего материала. Так, в главе II говорится о частях речи безотносительно к словообразованию; в главе III рассматривается вопрос о взаимоотношении слова и словосочетания вне связи с проблемой разграничения сложного слова и словосочетания²; в главе IV вопрос о словарном составе и основном словарном фонде рассматривается, в основном, как общелекسیкологическая проблема. Все эти вопросы необходимо было затронуть в книге, но рассматривать их надо было именно применительно к ее теме — словообразованию современного немецкого языка.

Положительным моментом является то, что в книге специально освещается вопрос о взаимодействии между словообразованием, изменением значения и заимствованием

¹ См.: Г. О. Винокур, Заметки по русскому словообразованию, ИАН ОЛЯ, 1946, вып. 4, стр. 316; А. И. Смирницкий, Некоторые замечания о принципах морфологического анализа основ, «Доклады и сообщения филол. фак-та [МГУ]», вып. V, 1948. Ср. в этом отношении работу Н. М. Шанского «Основы словообразовательного анализа» (М., 1953, стр. 17—30).

² Делается это к тому же (так же как и во многих других случаях) при совершенно недостаточном использовании имеющейся литературы.

(см. главу III первой части работы, стр. 85—91). Эта тема излагается, однако, недостаточно четко и весьма поверхностно — не только без использования, но и без упоминания о соответствующих работах, в частности об исследованиях А. А. Потебни и М. М. Покровского, посвященных проблеме семантического развития производных слов. Нельзя также говорить о метафоре и метонимии как о какой-то особенности именно сложных слов (стр. 87), как нельзя считать вторые компоненты сложных слов типа *Birnbaum* «как бы не нужными» только потому, что «грушевое дерево» можно назвать также и просто «грушей» (см. там же).

В этой же первой части (гл. I) рассматривается и вопрос о месте словообразования среди других лингвистических дисциплин. Следовало бы уже в введении сказать несколько слов о словообразовании как об определенной сфере языка и о словообразовании как о лингвистической дисциплине. Словообразование рассматривается М. Д. Степановой как самостоятельный раздел языкознания (стр. 54). Данный взгляд приводится автором без ссылок на соответствующие работы. В книге в связи с вопросом о месте словообразования в науке о языке упоминается (см. стр. 48) работа акад. В. В. Виноградова «Русский язык» и даются ссылки на академическую грамматику русского языка¹ и на курс лекций по современному русскому языку в издании МГУ² (см. стр. 49), но ничего не говорится о статьях В. В. Виноградова, вышедших после лингвистической дискуссии, где специально ставится вопрос о месте словообразования³. Благодаря этому создается впечатление, что подход М. Д. Степановой к словообразованию как к самостоятельной языковедческой дисциплине не опирается ни на какие предшествующие ее книге работы.

Зарубежная лингвистическая литература использована в книге также недостаточно. Рассматриваются только взгляды представителей младограмматической школы и их последователей. Новые реакционные концепции буржуазных лингвистов-структуралистов в области проблемы формы слова критическому рассмотрению не подвергаются. Вообще в книге привлекаются, в основном, лишь старые общие работы по немецкому словообразованию. Из новых книг используется только книга В. Генцена⁴. Из работ по отдельным вопросам словообразования привлекается только работа Л. Тоблера, изданная в 1868 году⁵.

В книге рассматриваются все характерные для современного немецкого языка способы словообразования и словообразовательные типы, с одной стороны, и особенности словообразования каждой части речи в этом языке, с другой. Затрагивается широкий круг вопросов, но многое в трактовке этих вопросов вызывает серьезные возражения.

Прежде всего, никак нельзя согласиться с мнением М. Д. Степановой, что наряду с аффиксацией и словосложением в немецком языке существует еще и такой промежуточный между тем и другим способ словообразования, как «полуаффиксация» (см. стр. 77—79, 86 и др.). Дело здесь не только и не столько в термине (хотя и термин является крайне неудачным), сколько в самом существе дела. «Полуаффиксация» выдвигается М. Д. Степановой как особый, не принадлежащий ни к словосложению, ни к аффиксации способ словообразования. Следовательно, «полуаффиксы» («полусуффиксы» и «полупрефиксы»), как логически вытекает из этого положения, приходится рассматривать как словообразовательные форманты, не принадлежащие ни к основам, ни к аффиксам. Образованиями с «полуаффиксами» («полусуффиксами») автор считает, например, такие существительные, как *Seemann* «морьяк», *Kaufmann* «купец», *Waschfrau* «прачка», *Flugzeug* «самолет», *Werkzeug* «инструмент», *Erholungsheim* «дом отдыха», *Kulturhaus* «дом культуры», или такие прилагательные, как *arbeitslos* «безработный», *teilnahmslos* «безучастный», *geheimnisvoll* «таинственный», *wasserreich* «многоводный», «богатый водой» и т. п.

Вторые компоненты этих сложных слов автор причисляет, исходя из их семантики, к «полусуффиксам» на том основании, что они, выступая в целом ряде однородных по своему общему значению сложных слов (ср. *Seemann*, *Kaufmann*, *Obstmann*, *Zeitungs-mann*), обнаруживают по сравнению с соответствующими им словами признаки «семантического победения»⁶. Совершенно очевидно, что такой (ведущий свое начало еще с прошлого века) подход к этому вопросу является в корне неправильным. Нельзя

¹ «Грамматика русского языка», т. I, М., Изд-во АН СССР, 1952.

² «Современный русский язык. Морфология». (Курс лекций), под ред. В. В. Виноградова, [М.], 1952.

³ См., в частности, В. В. Виноградов, Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии, сб. «Вопросы теории и истории языка в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию», М., 1952.

⁴ W. Henzen, Deutsche Wortbildung, Halle/Saale, 1947.

⁵ Cм. L. Tobler, Über die Wortzusammensetzung nebst einem Anhang über die verstärkenden Zusammensetzungen, Berlin, 1868, стр. 232.

⁶ Ср. W. Wilmanns, Deutsche Grammatik, 2-е Abteil.— Wortbildung. Straßburg, 1896, стр. 6.

подходить к тем или иным языковым образованиям и их компонентам только с семантической точки зрения, без учета их структурных особенностей. Ведь в таком случае пришлось бы, например, фразеологические единицы просто считать словами.

Анализ слов с так называемыми «полусуффиксами» ясно показывает, что это — отличающиеся определенными особенностями сложные слова, а вторые их компоненты — основы, приближающиеся до известной степени по своей функции к суффиксам. Ведь если в семантике таких сложных слов, как *Arbeitsmann*, *Waschfrau* или *Buschwerk*, и есть нечто общее с аффиксальными образованиями — такими, как соответственно *Arbeiter*, *Wäscherin* или *Gebüsch* (поскольку *-mann* и *-frau*, как и *-er* или *-(er)in*, указывают на лицо мужского и соответственно женского пола, а *-werk*, как и *ge-* имеет собирательное значение), то все же между аффиксальными образованиями и сложными словами, которые образованы при посредстве основ, в какой-то мере приближающихся по своему характеру к аффиксам, имеются существенные различия: 1) аффиксы, в частности суффиксы *-er*, *-(er)in* или префикс *ge-*, не соотносятся ни с какими словами, вторые же компоненты сложных слов, такие, как *-mann*, *-frau* или *-werk*, соотносятся со словами *der Mann*, *die Frau*, *das Werk*, не только не обнаруживая полного разрыва с ними в семантическом плане, но и сохраняя особенности грамматического оформления, характерные для этих слов. Так, сложные слова со вторыми компонентами *-mann*, *-frau*, *-werk* принадлежат к тому же роду и к тому же типу склонения, что и слова *Mann*, *Frau*, *Werk*. Ср. *der Arbeitsmann* — *des Arbeitsmanns* и *der Mann* — *des Mann(es)*; *die Waschfrau* — *der Waschfrau* и *die Frau* — *der Frau*; *das Buschwerk* — *des Buschwerks* и *das Werk* — *des Werk(es)*; 2) так называемые «полусуффиксы» сочетаются с основами именно тех частей речи, с которыми вступают в сочетания соответствующие «полусуффиксам» слова. Это особенно ясно показывают прилагательные с «полусуффиксами», так как эти «полусуффиксы», как правило, сочетаются только с основами существительных (как соответствующие им прилагательные сочетаются с существительными); ср. *hoffnungsvoll* и *voll Hoffnung*; *wasserreich* и *reich an Wasser* и т. д.; 3) «полуаффиксы» (в данном случае «полусуффиксы») имеют гораздо более конкретное (характерное для основ) значение, чем аналогичные им действительные «суффиксы»; ср. *taktvoll* (*voll Takt*) и *taktisch* и т. п.; 4) слова с «полусуффиксами» в целом ряде случаев содержат так называемые соединительные элементы, что, как известно, характерно для сложных слов; ср. *Arbeitsmann* и *Arbeitspause*, *Arbeitszeit* и т. п.

Сказанное действительно также и по отношению к так называемым «полупрефиксам» с той только разницей, что здесь еще меньше оснований (чем в случаях с «полусуффиксами») выводить слова с компонентами этого рода за пределы словосложения, поскольку даже подлинные префиксы, не соотносящиеся ни с какими словами (такие, как, например, *in-* или *ver-*), обнаруживают в своей специфике известное сходство с первыми компонентами сложных слов. Недаром префиксация некоторыми учеными (представителями младограмматической школы и их последователями) ошибочно вообще причисляется к словосложению. Ведь если в слове *Mordsskandal* «ужасный (буквально: «убийственный») скандал» считать основу *Mord-* «полупрефиксом», опираясь лишь на ее усилительную функцию (см. стр. 154) и совершенно обходя структурные особенности сложного слова, то тогда пришлось бы признать «полупрефиксом» и русское прилагательное *убийственный*, поскольку оно также выступает в усилительном значении (ср. *убийственная жара* и т. п.). Мы не можем этого сделать, потому что принимаем во внимание структурные особенности, отличающие словосочетание от слова. Не можем мы также признать и компонент сложного слова «полуаффиксом», так как сложное слово имеет свои особенности строения, отличающие его от слова производного. Таких же частей слова, которые не были бы ни основами, ни аффиксами, в языке вообще не существует.

Глаголы с наречными частицами типа *aufstehen* (обычно по традиции ошибочно именуемые глаголами с отделяемыми приставками или префиксами) М. Д. Степанова рассматривает как глаголы с «полупрефиксами» (стр. 279). Между тем эти глаголы ни как глаголы с полупрефиксами, ни как глаголы с префиксами и рассматривать, конечно, нельзя, так как в личных формах в самостоятельном предложении наречная частица не предшествует глаголу, но следует за ним (ср. *aufstehen* — *steht auf* — *stand auf* — *aufgestanden*), а по своим структурным особенностям (раздельнооформленность и возможность дистантного положения компонентов — *Er steht im Sommer immer sehr früh auf*) данные глаголы представляют собой совершенно особый тип. Таким образом, выдвигаемое М. Д. Степановой положение о якобы существующем в языке «полуаффиксальном» словообразовательном типе опровергается фактами самого языка.

Трактовка глаголов с наречными частицами с особенной наглядностью показывает, что вместо углубленного изучения морфологических особенностей совершенно различных по своему строению языковых единиц (таких, как сложные имена типа *Arbeitsmann*, *hoffnungsvoll*, *Mordsskandal*, *hochfein*, с одной стороны, и глаголы с наречными частицами, с другой), М. Д. Степанова просто обходит связанные с таким изучением весьма сложные проблемы, характеризующие самые разнородные единицы языка в равной мере как образования при помощи «полуаффиксации». Естественно, что это приво-

дит только к путанице, не сдвигая сложнейшие языковедческие проблемы с той мертвой точки, на которой они остановились в зарубежной науке еще в конце прошлого столетия, когда, например, В. Вильманс, по отношению к немецким глаголам типа *aufstehen* говорил о «разъединенных сложных словах» (обозначая их как *trennbare Composita*)¹ или применял к этим образованиям термин «полусложные слова» (*Halb-composita*)², т. е. такой же ничего не объясняющий «половинчатый» термин, как и «полуаффиксы».

Серьезные возражения вызывает также и подход автора к некоторым словообразовательным типам производных слов. Так, для немецкого существительного никак нельзя говорить о фонетико-морфологическом типе словообразования [о типе, подобном русскому *рвань* (от основы прилагательного *равный*) или *глушь* (от основы *глухой*)], о типе, к которому М. Д. Степанова относит такие существительные, как *der Trieb* (от основы глагола *treiben*), неправомерно противопоставляя их существительным *der Ruf* (от основы *rufen*) или *der Kauf* (от основы *kaufen*) (см. стр. 61—62 и стр. 96—100).

К фонетико-морфологическому типу можно в современном немецком языке отнести только так называемые каузативные глаголы, такие, как *setzen* (к *sitzen*), *legen* (к *liegen*), поскольку фонетические особенности у этих «слабых» глаголов, образованных от основ так называемых «сильных» глаголов, связаны с определенными морфологическими особенностями данных слов. Однако и в отношении таких (каузативных) глаголов, как *setzen*, можно говорить о фонетико-морфологическом типе только для современного языка, принимая во внимание их настоящее взаимоотношение с соответствующими сильными глаголами. Ведь эта непродуктивная для современного немецкого языка словообразовательная модель возникла не как фонетико-морфологический, но как морфологический (суффиксальный) тип словообразования, а когда она приняла облик именно фонетико-морфологического типа, то перестала быть продуктивной, оставаясь еще некоторое время живой.

Что же касается бессуффиксального образования отглагольных существительных, таких, как *Trieb*, *Band*, *Gang* (производных от основ сильных глаголов) (стр. 62), то ни о каком фонетико-морфологическом способе словообразования здесь не может быть и речи. Почему надо считать, что, например, *Trieb* образовано от *treiben* «путем изменения корня» (т. е. гласного корня), а *Ruf* от *rufen* — «без изменения корня»? (см. стр. 100). Ведь если у *Trieb* коренной гласный не совпадает с гласным основы настоящего времени глагола (ср. *treiben*—*trieb*—*getrieben*), то у *Ruf* коренной гласный не совпадает с гласным основы прошедшего времени (претерита) (ср. *rufen*—*rief*—*gerufen*). Оба глагола — как *treiben*, так и *rufen* — имеют в своем составе формы с тем же коренным гласным, что и соответствующие отглагольные существительные, поэтому оба существительных (*Trieb* и *Ruf*) следует считать образованными по конверсии³, т. е. таким же способом, как и существительные *Kauf* или *Besuch*, производные от основ так называемых «слабых» глаголов (глаголов, не имеющих чередования гласных). Несколько иное положение наблюдается в словах типа *Zug* и *Wurf*. Исторически эти слова также образованы по конверсии (ср. древнемецкие глаголы *ziehen*—*zōh*—*zugum*—*gizogan*; *werfan*—*warf*—*wurfun*—*giworfan*), в системе же современного языка мы должны их рассматривать как образованные путем изменения гласного. Но производные существительные типа *Zug*, *Wurf* и в современном языке нельзя относить к фонетико-морфологическому типу словообразования, поскольку фонетические особенности данных слов не указывают ни на какие морфологические особенности, которые отличали бы эти образования от таких слов, как *Trieb*, *Ruf*, с одной стороны, или *Kauf*, *Besuch*, с другой. А ведь именно в этом и заключается специфика фонетико-морфологического типа словообразования, представленного в русском языке словами типа *рвань*, в которых палатализованный конечный согласный основы указывает на определенный класс слов и на соответствующий тип склонения. В немецком же языке и *Trieb*, и *Ruf*, и *Zug*, и *Kauf*, и *Besuch* — существительные мужского рода, так называемого сильного склонения.

Неверно (под влиянием положений В. Генцена⁴) объясняется в книге специфика отыменных префиксальных глаголов типа *beflügeln* «окрылять» (от основы *Flügel* «крыло») и *erblinden* «ослепить» (от *blind* «слепой»). Считая такие слова, как *besprechen* «обсуждать» (от *sprechen* «говорить»), префиксальными глаголами, М. Д. Степанова полагает, что случая типа *beflügeln* или *erblinden* — не просто отыменные префиксальные образования, но что они являются особым (смешанным) типом производных глаголов, «образованных посредством взаимодействия вербализации именных основ и префиксации...» (стр. 279), для чего нет никакого основания. То, что эти глаголы образо-

¹ См. W. Wilmanns, указ. соч., стр. 122.

² См. там же.

³ См. А. И. Смирницкий, Так называемая конверсия и чередование звуков в английском языке, «Ип. яз. в шк.», 1953, № 5; ср. его же, По поводу конверсии в английском языке, там же, 1954, № 3.

⁴ См. W. Henzen, указ. соч., стр. 238—241.

ваны от основ именных частей речи — существительных или прилагательных — еще не дает права говорить здесь о каком-то особом типе. Ведь такие отглагольные существительные, как, например, *Geheul* (стр. 151), автор (и совершенно правильно) считает просто префиксальными образованиями, а не словами, «образованными посредством взаимодействия субстантивации глагольных основ и префиксации» (как надо было бы объяснять эти образования, если последовательно применять принцип, выдвинутый по отношению к отымненным глаголам типа *beflügel(n)*).

В книге подробно (насколько это позволяет ее сравнительно небольшой объем) и с приведением довольно большого числа примеров описываются разные типы именного словосложения, в том числе и так называемый определительный тип — один из самых продуктивных типов словообразования в современном немецком языке.

В книге справедливо отмечается, что если определенный тип сложного слова и возник из словосочетания, то многие принадлежащие сюда слова затем были образованы непосредственно по утвердившейся в языке модели (стр. 69). Дается также и общая критика взглядов Г. Пауля, не проводившего необходимого разграничения между сложным словом и словосочетанием. Однако, кроме того, необходимо было бы еще подчеркнуть, в чем реально заключается различие во взаимоотношении компонентов в том и другом случае. Нужно было на соответствующих примерах показать, что к компонентам сложного слова никак нельзя подходить в том же плане, в каком подходят к компонентам словосочетания. Это ясно видно хотя бы из того, что грамматическое оформление второго компонента выступает в сложном слове как оформление всего слова в целом, а неоформленность первого компонента не дает права подходить к нему с тем же критерием, с которым мы подходим к любому компоненту словосочетания. В книге мы такого анализа не находим.

Различие между определительным сложным словом и соответствующим словосочетанием недостаточно выявляется автором, так как даже в специально посвященном сопоставлению сложного существительного и соответствующего словосочетания параграфе (§ 83, стр. 121—124) вопрос этот рассматривается, в основном, в плане семантическом, с точки зрения понятий, выражаемых компонентами сложного существительного и всем словом в целом. Различие в строении между сложным словом и словосочетанием оставляется при этом в стороне. Да и сама семантика сложного слова рассматривается недостаточно углубленно, так как не дается сколько-нибудь детального анализа взаимоотношения компонентов сложного слова по сравнению с компонентами словосочетания и недостаточно учитывается специфика, связанная с цельюоформленностью сложного слова.

Формулировки, заключающие этот параграф, отличаются большой расплывчатостью и неопределенностью. Никакого ясного представления о специфике сложного слова по сравнению со словосочетанием не дает указание на то, что сложные слова с основой существительного в качестве первого компонента «весьма разнообразны по своей семантике и по степени близости к словосочетанию» (стр. 124). Ничего не дает для выяснения особенностей сложного слова и следующая завершающая параграф формулировка: «Специально следует отметить такие случаи, когда сложное существительное, обозначающее вполне определенное понятие (.) (разрядка моя. — К. И.), даже условно не может быть заменено определенным словосочетанием вследствие неясности его смысловой структуры, например: *Blumenladen, Windmühle, Wohltätigkeitsfest, Staatsexamen, Mondscheinsonate, Frühlingskleid, Flüchtigverdacht* и т. п.» (стр. 124). Эта формулировка ничего не объясняет, так как сама требует пояснения, вызывая у читателя ряд вопросов, в частности такой основной вопрос: «В чем же заключается специфика сложных слов этого типа?».

Автор недостаточно учитывает также, что так называемое «раскрытие» значения сложного слова посредством словосочетания (там, где это возможно) не передает особенностей семантического строения сложного слова. Так, в значении слов *Schreibfeder, Gießkanne, Trinkbecher*, которые «раскрываются» автором посредством словосочетаний *Feder zum Schreiben, Kanne zum Gießen* (?), *Becher zum Trinken*, совершенно отсутствует то значение цели, которое имеется в соответствующем приводимом автором словосочетании (стр. 127).

Никакого активного или пассивного значения (в противоречие к утверждению М. Д. Степановой) не имеет также определитель в таких сложных словах, как *Flickschneider* или *Füllfeder*. Эти сложные слова вовсе не равнозначны приводимым в книге словосочетаниям *der flickende Schneider* или *die zu füllende Feder* (что признается в общем и самим автором) (см. стр. 128). Ведь активное или пассивное значение связано с оформлением входящих в данные словосочетания отдельных слов, оформлением, которое в цельюоформленном сложном слове отсутствует.

При определении значения сложного слова М. Д. Степанова часто исходит не из этого значения как такового, но из употребления данного слова, причем определенное влияние на семантическое толкование того или иного слова иногда оказывает и перевод на русский язык. Это, в частности, обнаруживает толкование выдержки из романа А. Зегерс «Мертвые остаются молодыми»: *«Klemms eigener Chauffeur sollte*

unterdes das Gefangenenauto übernehmen... а шофер Клемма поведет машину, в которой везли пленного... *Das Gefangenenauto* — машина, в которой везли пленного (перевод точно передает содержание данного сложного слова) (стр. 135).

С такой интерпретацией значения сложного слова *Gefangenenauto* никак нельзя согласиться. Хотя действительно *Gefangenenauto* может быть понято в данном контексте как «машина, в которой везли пленного», но это слово как таковое данного содержания не выражает, так как, во-первых, оно не показывает, идет ли речь об одном пленном или о нескольких, находятся ли пленные (или пленный) в этой машине или она только предназначена для пленных, и т. п. Первый компонент этого (цельноформленного) сложного слова — основа, в которой отсутствует грамматическое оформление, характерное для слова, поэтому сложное слово и не выражает тех отношений, которые могут быть выражены словосочетанием или придаточной частью предложения [машина для пленного (для пленных), машина с пленным (с пленными), машина, в которой везли пленного (пленных)]. Кроме того, перевод на другой язык вообще не является каким бы то ни было доказательством. Аналогичное объяснение дается и второму примеру на той же странице (*Offiziersauto* «машина с офицерами»). Приведенные выше замечания показывают, что автор напрасно здесь говорит о сложных словах, «заменяющих словосочетания» (стр. 135).

При рассмотрении определенных существительных, где первый или второй компоненты или же оба компонента являются сложными, допущен ряд ошибок (в примерах). Как можно, например, говорить о словосочетаниях по отношению к первым компонентам таких сложных слов, как *Altweibersommer* (ср. соответствующее словосочетание — *alte Weiber*), *Rote-Kreuz-Schwester* (соответствующее словосочетание *Rotes Kreuz*), *Einkuhbauer* (соответствующее словосочетание *eine Kuh*, где *eine* — числительное)? (см. стр. 140). Ведь первый компонент сложных слов *Altweibersommer*, *Einkuhbauer* явно представляет собой не застывшее словосочетание с сохранением грамматической формы входящих в него компонентов, но сложную основу. А в *Rote-Kreuz-Schwester* (представляющем собой особый случай) основа *rot*-выступает в оформлении, «согласуемом» не с *Kreuz*, но с *Schwester* (ср. *Rotes Kreuz* и *rote Schwester*).

Не совсем понятна трактовка так называемых «сращений» (т. е. сложнопроизводных слов) и сложносокращенных слов, а также и место, отводимое им в книге (см. стр. 192—201). Эти два типа, по своей специфике (как на это указывает автор на стр. 77) тесно связанные со словосложением, в книге почему-то отделены от сложных слов аффиксальными образованиями (см. стр. 147—152, 158—182) [которые также логичнее было бы рассматривать точно так же после безаффиксных образований (см. стр. 96—99), а не в отрыве от них, как это сделано в книге].

Никак нельзя согласиться, что «сращение» «превращает словосочетание, не изменяя формы последнего, в единую словообразующую основу» (стр. 79). Для этого достаточно сравнить такие, например, «сращения», как *blauäugig* или *rotbäckig*, с соответствующими словосочетаниями *blaue Augen* (*blaues Auge*) и *rote Backen* (*rote Backe*). Никак нельзя также считать, что в *Kopfnicken* «опущен» предлог *mit* (имеющийся в словосочетании *mit dem Kopfnicken*) (стр. 192). Ведь сложное (в данном случае сложнопроизводное) слово имеет свою специфику, отличную от словосочетания.

Такие формулировки и место в книге, отводимое «сращениям», создают неясность в отношении специфики этих образований. Следовало бы не только яснее (путем детального анализа нескольких примеров) показать особенности данного типа словообразования, но и прямо указать, что это комбинированный способ, при помощи которого создаются сложнополоизводные слова.

Автор правильно разграничивает «сращения» (т. е. сложнопроизводные слова) типа *Eisbrecher* (где основы *Eis*- и *brech*- соединяются в одно слово при посредстве суффиксации) от обычных производных слов, образованных от сложных основ, как *Eisenbahner* (от основы *Eisenbahn*). Однако это проводится недостаточно последовательно, потому что в разряд «сращений» включается не только *Fremdsprachler*, которое скорее следует рассматривать как образованное от сложной основы *Fremdsprache*, но и *Fremdsprachlerin*, явно образованное от (производной) основы *Fremdsprachler* по типу *Lehrer* — *Lehrerin*, *Künstler* — *Künstlerin* и т. п. (см. стр. 192 и 193). *Willkommen* (см. стр. 196) также является не «сращением», но сложным словом, образованным из основ (*der*) *Willkommen* и (*das*) *Essen* (ср. аналогичные «неполносложные» слова *Willkommensgruß*, *Willkommstrunk*).

Сложносокращенные слова, как *DDR* (*Deutsche Demokratische Republik*) или *SED* (*Sozialistische Einheitspartei Deutschlands*), нельзя (а тем более без всякого объяснения) трактовать как «структурно новый тип корневых существительных» (см. стр. 198), так как по своей специфике они резко отличаются от корневых (на что как будто указывает и сам автор, обозначая эти слова как *с л о ж н о с о к р а щ е н н ы е*).

Книга М. Д. Степановой специально посвящена словообразованию, т. е. такому

разделу языкознания, для которого проблема морфологического и семантического строения слова является центральной. Между тем эта проблема — как показывает приведенный материал — трактуется автором не только противоречиво и неясно, но в ряде случаев и ошибочно; весьма серьезным упущением является то, что недостаточно используются и показываются достижения отечественной (русской дореволюционной и советской) науки в области данной проблемы. Все это, естественно, ограничивает возможности использования книги как учебного пособия.

Р. А. Левковская

НОВАЯ ПОПЫТКА ОСВЕЩЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ ПРОИСХОЖДЕНИЯ СЛАВЯН *

В первом издании своей книги о восточнославянских племенах (М., 1948) П. Н. Третьяков, говоря о происхождении славян и набросав широкую картину их древнейших поселений, опирался на исследования советских ученых, но исходил прежде всего из данных археологии и истории и лишь в незначительной степени привлекал данные языкознания. Кроме такой односторонности, его описание было зависимым от господствовавшей в то время в советской науке теории Н. Я. Марра. Следование этой теории сковывало рассуждения автора и привело его к довольно сумбурным выводам, которые противоречили показаниям собранного им вещественного материала. Совершенно не были использованы результаты исследований польских и чешских ученых (за исключением Л. Нидерле). Освободившись от влияния псевдомарксистских концепций Марра, опровергнутых историческими работами И. В. Сталина в 1950 г., и основательно изучив труды зарубежных ученых о происхождении славян, П. Н. Третьяков предпринял в прошлом году второе издание своей книги, первая часть которой посвящена интересующей нас проблеме этногенеза славян. Здесь дана совершенно новая и чрезвычайно ценная разработка этого важнейшего для истории славянской культуры вопроса. Но и в настоящем виде работа страдает некоторой односторонностью освещения указанной проблемы. Эта односторонность обусловлена опять-таки слишком слабым привлечением данных языкознания. Без последних невозможно разрешение сложных вопросов, которые неизбежно возникают при попытках отождествления культурных массивов, установленных археологией, с этническими общностями, говорящими на определенных языках. Однако П. Н. Третьяков сделал большой шаг вперед в том отношении, что во втором издании книги, в отличие от первого, он, будучи свободен от оков марксизма, безоговорочно встал на почву общепринятых положений сравнительно-исторического языкознания, когда выводил общий для славян язык — праславянский («общеславянский», по его терминологии) из определенной группы индоевропейских диалектов, на которых говорили племена бывшей территории Средней и Восточной Европы на протяжении III—II тысячелетий до н. э. Наряду с этим период тесной балтийско-славянской языковой общности он признает переходным между индоевропейской эпохой и эпохой славянской общности. Этот период в советской науке до сих пор вообще не учитывался. Оценивая результаты работы П. Н. Третьякова с языковедческой точки зрения, мы должны обратить особое внимание на понимание автором указанных моментов языкового развития славян и их предков, а также на то, как он связывает материал языкознания с данными археологии, относящимися к развитию материальной культуры соответствующих этнических комплексов.

За исходный пункт этногенетических процессов, которые в конце концов привели к возникновению этническо-языкового славянского комплекса, автор, опираясь на археологические исследования, принимает вышеследующую схему расселения племен, занимавших территории Средней и Восточной Европы в III тысячелетии до н. э. Он выделяет четыре основные племенные группировки: 1. Среднеевропейские племена, занимавшие территории бассейнов Одры, Вислы, Буга и верхнего Днестра с Волынью и Подольем, но не доходившие до среднего течения Днестра и его правобережных притоков. 2. Племена, культура которых в археологии носит название трипольской; их поселения тянулись от среднего Днестра к югу, доходя до устьев Днестра и Дуная, и охватывали по восточной стороне Карпатской дуги бассейн нижнего Дуная. 3. Стенные племена, заселявшие причерноморские земли в бассейнах нижнего Днестра, Дона, нижней и средней Волги. 4. Группа племен, занимавшая область всей Северо-Восточной Европы, которая тянулась от Урала через бассейн верхней Волги, верхнего Днестра, Зап. Двины и Немана, вдоль побережья Балтийского моря, заходя за нижнюю Одрю. Данная группа смешивалась на нижнем течении Вислы и Одры с народностями

* См. П. Н. Третьяков, Восточнославянские племена, М., Изд-во АН СССР, 1953.